

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НИЗАМИ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Разрешить к защите»

декан факультета

_____Юзликаев Ф.Р.

**Выпускная квалификационная работа по русской литературе:
«Идейно-тематическая проблематика романа Ч. Айтматова «Плаха»**

Выполнила:

_____ студентка 401-РТ группы
направления 5141300-родной язык и литература
(русский язык и литература)

Ким Валерия

Научный руководитель:

профессор кафедры
русской и зарубежной литературы

_____Миркурбанов Н.М.

Оппонент:

к.ф.н., доцент кафедры
русской и зарубежной литературы

_____Старцева И.А.

Внешний оппонент:

_____Юрина М.О.

«Рекомендовано к защите»

заведующая кафедрой русской и
зарубежной литературы

доцент

_____Матенова Ю.У.

«___» _____ 2014 года

Ташкент – 2014

Аннотация

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению темы «Христианские мотивы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

В данной работе мы говорим о влиянии Библии и других христианских источников на сюжетную канву и образную систему этого уникального романа.

Методологической основой работы служит широкая база критических и литературоведческих исследований.

Материал квалификационной работы может быть использован при разработке уроков в колледжах и лицеях нашей Республики.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	С.3
ГЛАВА I. Библейские мотивы в творчестве русских писателей XIX века.....	С.8
1.1. Осмысление библейских мотивов в творчестве Л.Толстого.....	с. 8
1.2. Осмысление библейских мотивов в творчестве Н.Лескова.....	с.12
ГЛАВА II. Библейские мотивы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»....	С.16
2.1. «Книга Иова» - один из стержневых постулатов романа «Братья Карамазовы».....	с. 17
2.2. Особая «смысловая нагрузка» эпиграфа романа «Братья Карамазовы».....	с. 19
2.3. Житийная ориентация вступления («От автора») романа «Братья Карамазовы».....	с. 20
2.4. Общая вина и общее искупление братьев Карамазовых.....	с. 22
ГЛАВА III. Специфика образной системы романа «Братья Карамазовы» в аспекте христианской проблематики.....	С. 25
3.1. «Безбожный разум» Ивана Карамазова.....	с. 25
3.2. Религиозный миф богоборца Ивана.....	с. 28
3.3. «Двойники» Ивана Карамазова.....	с. 34
3.4. «Житие» Алеши Карамазова.....	с. 38
3.5. Бунт Алеши и его возвращение к «светлым истокам»	с. 41
3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	С. 47
4. Список литературы.....	С. 50

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего (так называемого «перестроечного») времени в литературоведении считалось, что область религии якобы не имеет с литературой, практически, никакой связи. В произведениях талантливых русских художников слова, в том числе и в романах Ф.М.Достоевского, активно выделялись социальный, психологический, философский планы, но никоим образом не религиозный. Всякое упоминание религии и связанных с ней понятий называлось «реакционным», «ошибочным». Более того, некоторые критики (например: А.Белкин, Г.Фриндлер, Б.Рюриков) представляли Достоевского чуть ли не пропагандистом социалистических идей.

Безусловно, в произведениях писателя звучит критика капиталистического строя, призыв к единению людей, но совершенно с иных, нежели у социалистов, позиций

Нельзя приравнивать «мировую систему социализма» к «всечеловеческому братству» Достоевского. Вот как формулирует писатель свое понимание социализма: «Главная мысль социализма - это *механизм*. Там человек делается человеком-механикой. На все правила. Сам человек устраняется. Душу живую отняли»¹. Кроме того, свидетельством непринятия Достоевским социализма является его острая полемика с Н.Г.Чернышевским и его «теорией разумного эгоизма».

В последнее время вышел ряд интересных работ, посвященных изучению христианских мотивов в творчестве Ф.М.Достоевского. Перечислим некоторые из них: Д.Григорьев «Достоевский и религия»; Л.Кришталева «Нравственная значимость поступка в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»; Н.Лосский «Достоевский и его христианское миропонимание»; Р.Лаут «К вопросу о генезисе «Легенды о Великом инквизиторе»: заметки о проблеме взаимоотношений Достоевского и Соловьева»; И.Миндлин «Вера или неверие?

¹ Цит. по кн.: Мещеряков В., Сербул М. «Дела давно минувших дней» (Историко-бытовой комментарий к произведениям русской классики) – М.: 2003 – С.232

Заметки о Достоевском»; Г.Курляндская «Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой: к проблеме религиозно-нравственных исканий» и другие.²

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает статья А.Буланова «Святоотеческая традиция понимания «сердца» в творчестве Ф.М.Достоевского»³, которая охватывает как религиозную, так и психологическую проблематику произведений писателя.

«Тайна человека», которую Достоевский разгадывал всю жизнь, заключала в себе тайну «соотношения «ума» и «сердца». Именно об этом его роман «Преступление и наказание», в котором рассудочная логика вступает в борьбу с непосредственным чувством: переступить через кровь по совести означает исключить «сердце» из собственного «я».

В романе «Идиот» предпринята попытка создания идеального человека, в котором достигалась бы гармония между «умом» и «сердцем», - это «князь Христа», князь Мышкин. Данный образ анализируется А.М.Булановым именно с таких позиций.

В последнем романе, «Братья Карамазовы», диалектика взаимоотношений «ума» и «сердца» углубляется на примере «бунта» Ивана Карамазова.

В итоге своего анализа творчества Достоевского Буланов обосновывает вывод о «движении основополагающих идей восточной христианской аскетики в творчестве автора «Братьев Карамазовых». Одной из них и была идея о единении «ума» и «сердца», выраженная русским гением во всей ее принципиальной для православия противоречивости и преобразующей силе.

В работе С.Головой «Историко-мировоззренческие системы: культура, цивилизация и язычество в художественном мире Достоевского»⁴ затрагивается общечеловеческая проблематика творчества Достоевского.

Христианство в мире писателя обладает исключительной способностью созидать почву и культурную атмосферу общества. По

² Христианство и русская литература. Сборник статей. – СПб.: 1994

³ Там же.

⁴ Там же.

мнению автора, представители христианской культуры (Соня Мармеладова, князь Мышкин, старец Зосима) являются хранителями чистоты идеала в обществе, пораженном языческой страстью, вседозволенностью и идеей цивилизации о необходимости примата земных ценностей над духовными в процессе построения секуляризованного рая на Земле, то есть, словами Достоевского, Вавилона.

Через практическую деятельность представители цивилизации познают, что с ними нет Творца. Рациональный, идущий от цивилизации склад ума Ивана сказался в поэме о Великом Инквизиторе, в подборе материала о страданиях детей, в протесте против мира Божьего. Так и представители культуры через деяния познают Волю Божью. Именно таким «деятелем» в миру становится Алеша Карамазов.

Автор статьи заключает, «что культуруобразующим в мире Достоевского является только христианство. Культура, цивилизация и язычество — основные составляющие русской соборной души. Личность отдельного героя так же полиструктурна в мире писателя, как и соборная душа, но в ней всегда преобладает ипостась соборного духа»⁵.

Все вышеизложенное говорит о **непреходящем интересе критиков, литературоведов, читателей не просто к творчеству Ф.М.Достоевского, но и к христианским идеям в его творчестве, что и определяет актуальность избранной нами темы.**

С уважением относясь к исследованиям критиков и литературоведов и учитывая их опыт исследования затронутой нами проблемы, мы, тем не менее, постараемся проявить самостоятельность и представить (в контексте заданной темы) собственный анализ некоторых отрывков из произведений Ф.М.Достоевского. В этом заключается **новизна** нашей работы.

⁵ Христианство и русская литература. Сборник статей. – СПб.: 1994

Объектом нашего исследования является роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»

Предметом – христианские мотивы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»

Целью данной квалификационной работы является анализ романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» с учетом вышезаданной направляющей темы, делающей акцент на мотивах христианства в творчестве великого русского художника слова.

Данная цель определяет следующий **круг задач**:

1) Собрать, изучить и обобщить материал по проблеме значения христианских мотивов в произведениях Ф.М.Достоевского, акцентируя внимание на романе «Братья Карамазовы».

2) Проанализировать роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» и определить значение христианских мотивов и их влияния на сюжетную канву и систему образов в данном произведении;

3) Провести соответствующие сравнительные параллели обращения к христианским мотивам в творчестве Достоевского и в творчестве других русских художников слова

4) Сделать соответствующие выводы.

Методологической основой квалификационной работы являются **труды Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова**, посвященные проблемам духовной и культурно-просветительской жизни нашей страны.

Теоретической основой являются труды таких видных ученых, как: М.Бахтин, Ю.Кудрявцев, Ю.Селезнев, В.Котельников, Р.Лаут и другие.

Практическая и теоретическая значимость темы выпускной квалификационной работы: избранная нами тема представляется интересной не только в качестве объекта теоретического изучения русской литературы. Материалы данного квалификационного исследования могут послужить основой при разработке учебных занятий по истории русской

литературы в лицеях и колледжах нашей Республики, а также для разработки спецкурсов в учебных программах филологических факультетов ВУЗов.

Серьезно изучая русскую литературу – литературу глубокую, серьезную, философичную – мы глубже постигаем реалии жизни и самих себя в этой жизни. Прошрое и настоящее крепко связаны между собой, вместе они прокладывают нам тропинку в будущее. Об этом прекрасно сказал Президент нашей Республики И.А.Каримов. «Любая дорога, - пишет он, - начинается с первого шага. Шаг на пути к знаниям – это прошлое, настоящее и будущее твоего государства»⁶.

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Изложена на **51** странице печатного текста.

⁶ Каримов И. Узбекистан: путь независимости и прогресса. – Ташкент, 1994. – С.3-4

ГЛАВА I

Библейские мотивы в творчестве русских писателей XIX века

Каждый из писателей по-своему осмысливал Библию – духовную сокровищницу христианства. Обратимся за примером к творчеству Л.Н.Толстого и Н.С.Лескова.

1.1. Осмысление библейских мотивов Львом Толстым

В 1860-е годы Л.Толстой увлекается собирательством и пропагандой устного народного творчества. Писатель рассматривал фольклор как средство выражения мировоззрения народа, считая устное народное творчество богатейшим духовным источником художественной литературы. Думы и чаяния народа, его вековые мечты, бесконечно разнообразные формы его труда и быта, его глубокий опыт и житейская мудрость – все это, утверждает Толстой, и является содержанием подлинного народного искусства. **Это народное искусство он ставил на базу библейских заповедей** и не раз пояснял, почему именно фольклорное наследие органично сочетается с библейскими заповедями, потому что фольклору свойственна значительность и глубина содержания, искренность, ясность изложения, простота и общедоступность языка. Великий писатель подчеркивал, что «искусство всенародное имеет определенный и несомненный внутренний критерий – религиозное сознание»⁷ и считал это одним из главнейших его достоинств.

Именно поэтому наряду с былинами, песнями, сказками, в которых выражались мечты и надежды народа, его патриотические чувства, Толстому были близки (особенно с 80-х годов) фольклорные произведения, в которых ведущей темой являются религиозно-нравственные мотивы, черты всепрощения и нравственного самоусовершенствования. Толстой считал религиозные легенды продуктом общенародного творчества.

⁷ Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей – М.: 1982. – С.217

При создании своей «новой, очищенной религии» Толстой обращался к разнообразным философским, религиозным, фольклорным и литературным источникам. Весь этот разнообразный по своему идейно-художественному содержанию материал он широко использовал в своей «Азбуке» и «народных» рассказах.

В некоторых критических работах по творчеству Л.Толстого «народным» рассказам писателя дается чуть ли не отрицательная оценка, подчеркивается, что эти произведения пропагандируют реакционную философию Льва Толстого.⁸ Однако другим критикам⁹ подобный взгляд представляется неверным. Более того, они считают, что **фольклорно-библейские мотивы обогатили творчество великого писателя, придали особый, неповторимый колорит его художественному наследию.**

На наш взгляд, следует несколько слов сказать по поводу «новой, очищенной» религии Льва Толстого, потому что именно в этом его специфика, его отличие от других писателей XIX века, не отходивших от традиционного трактования Библии.

Обратившись к серьезному изучению библейского материала, Толстой пересматривает христианское учение; доказательством этому служат его работы «Критика православного догматического богословия», «В чем моя вера», «Краткое изложение Евангелия» и др. В результате Толстой приходит к отрицанию догматов официальной церкви и самой церкви. Ему кажется, что истинное христианское вероучение исказили церковные проповедники, намеренно скрывая от людей настоящую истину. А истина эта, по мнению Л.Толстого, заключается в пяти заповедях: «Не гневись, не блуди, не клянись, не противься злу, не воюй». Толстой рассматривает современную ему действительность с точки зрения выполнения людьми этих заповедей, а корень зла видит в пренебрежении к ним.

⁸ Гусев Н. Л.Н.Толстой. Материал к биографии. – М.: 1954; Гудзий Н. Л.Н.Толстой (изд. 2) – М.: 1972; Бурсов И. Лев Толстой. – М.: 1976; Ермилов В. Творчество Л.Н.Толстого. – М.: 1978 и др.

⁹ Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей – М.: 1982; Малкин В. Лев Николаевич Толстой – М.: 1978; Фатеева А. Рассказы Л.Толстого для народа. – М.: 1979 и др.

Разумная жизнь, по Толстому, наступит тогда, когда люди поймут, что «мирское благо» как цель жизнь есть заблуждение, что жизнь человека принадлежит не ему, а тому, кто «произвел жизнь», то есть Богу. И потому цель жизни человека должна состоять в исполнении воли Всевышнего. Толстой писал: «... мы на земле лишь «работники», и нам не дано знать того «плана», по которому мы работаем, ибо план этот знает лишь «хозяин», давший нам жизнь».¹⁰

«Своей религией» Толстой отвергает все то, что мешает русскому патриархальному крестьянству. Он выступает против суда, государственной власти, помещичьего землевладения – против всего того, что так ненавистно русскому патриархальному крестьянству», - пишет критик И.Бурсов¹¹.

По мнению Л.Толстого, все существующее зло можно уничтожить «непротивлением ему».¹² Эта позиция писателя нашла особо яркое отражение в его рассказах для народа. Проанализируем для примера один из этих рассказов.

В мае-июне 1885 года Толстой написал рассказ «Свечка», который пропагандирует патриархальную народную мудрость. Рассказ первоначально был озаглавлен библейским изречением: «Мне отмщение и Аз воздам». Затем он получил окончательное заглавие, а библейское изречение было помещено в виде эпиграфа. В дальнейшем этот эпиграф был заменен изречением из Евангелия о непротивлении злу насилием:

«Вы слышали, что сказано: «Око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: Не противься злему.

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас...».

¹⁰ Толстой Л. Царство божье внутри нас. – Интернет: www.narod.ru/tolstoy

¹¹ Бурсов И. Лев Толстой. – М.: 1976 – С. 59-60

¹² Толстой Л. Царство божье внутри нас. - Интернет: www.narod.ru/tolstoy

Эти слова из Нагорной проповеди Христа и легли в основу рассказа.

Рассказ ведется от имени крестьянина, помнящего крепостное право. Рассказчик вспоминает, как в одном господском имении приказчик из дворовых «забрал власть над мужиками». «И битьем и работой донимал народ, и много от него муки терпели мужики». И про этого приказчика стали в сторонке шептаться мужики, а кто посмелее, тот даже говорил, что такого и «убить не грех». Наконец составили план о том, как убить этого изверга, от которого и житья всем не стало. Но против этого решения выступил Петр Михеев, который с укоризной сказал своим односельчанам: «Грех вы, братцы, великий задумали. Душу погубить – великое дело. Чужую душу погубить легко, да своей-то каково?» Разгорелся спор между приверженцами «противления» и сторонниками «непротивления». Василий Михеев возражает Петру: «Заладил одно: грех человека убить. Известно, грех, да какого человека? Грех человека доброго убить, а такую собаку и Бог велел... Не убить его – грех больше будет. Что он людей перепортит! А мы хоть и пострадаем, так за людей. Нам люди спасибо скажут». Выслушал его Петр и говорит: «Ты станешь зло изводить, а оно в тебя перейдет. Человека убить - не мудрено, да кровь к душе липнет. Ты думаешь – худого человека убил, думаешь – худо извел, ан глянь, ты в себе худо злее того завел. Покорись беде, и беда покорится». В этих словах Петра заключены и воззрения самого автора, его призыв к «непротивлению».

Мужики не договорились: одни склонялись на Васильевы речи, другие на Петровы.

Еще более мужики обозлились на приказчика, когда он велел им на второй день после светлого праздника Пасхи поле пахать. Перед обедом приказчик позвал старосту и велел ему идти в поле и слушать, что мужики говорят про него. Староста вернулся и сказал: говорят, «чтобы у него пузо лопнуло, и утроба вытекла»; а Василий Михеев говорит, что не миновать ему беспокаянной смерти. Один Петр не ругается. Он пашет и поет духовные песни, а к сохе прикрепил свечку, и свечка горит и не гаснет. Староста

подошел к Петру поинтересоваться, отчего он не сердится на приказчика и не грозит, а тот только и сказал ему: «На земле мир, в человеке благоволение».

Выслушал все это приказчик, задумался и говорит жене: «Победил он меня! Дошло теперь и до меня!» Жена уговорила приказчика отпустить мужиков. Он поехал в поле. По дороге лошадь испугалась свиньи, «шарахнулась в сторону», и приказчик упал животом на заостренный кол.

Злой приказчик умер, причем, умер так, как ему в сердцах желали обиженные мужики. Но главное в том, что умер он по воле Божьей, и никто из них не замарал своих рук и своей души убийством.

«Узнал про то барин – и от греха отпустил мужиков на оброк». И поняли мужики, что прав был Петр, что не во зле, а «в добре сила божья». Этими словами и заканчивается рассказ.

Вот так, отталкиваясь от библейского «непротивления злу насилием», Лев Толстой воспитывает в людях понимание того, что на зло не надо отвечать злом. Зла итак очень много в нашем мире. Останови губительный ручеек зла в собственном сердце, не дай этому ручейку превратиться в страшную реку. Если бы каждый человек так «помыслил», тогда и мир наш стал бы светлее и чище.

1.2. Осмысление библейских мотивов в творчестве Н.Лескова

Лескова прежде всего интересуют устойчивые национальные и религиозные особенности жизни, которые он не связывает с существующей социальной системой. Его, бывшего свидетелем такого резкого переворота в социальной жизни страны, как отмена крепостного права, волновала незыблемость того, что является тормозом на пути развития России (косность, бесхозяйственность, взяточничество, бюрократизм, неустройство жизни, достигающее фантастических размеров), и исчезновение того, что совершенно необходимо сохранить, - религиозной и исторической памяти народа, связывающей разные времена и содержащей ценные уроки.

Писатель неоднократно высказывал сожаление о том, что у нас, говоря словами его героя из «Запечатленного ангела», «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленнее, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела». Отсюда его постоянные обращения к прошлому России, к библейским заветам, ее былям и преданиям.

Специфика работы Н.Лескова с библейскими мотивами заключается в том, что он **сплавляет в нерушимое целое религию и уникальное фольклорное наследие русского народа.** И делает он это тонко: в подтекстах, в намеках, составляющих, по сути дела, стержень его произведения.

Попытаемся доказать сказанное выше: вспомним неразумное поведение Ивана-царевича, подсмотревшего момент сбрасывания заколдованной девушкой лягушиной маски. Пытаясь сохранить свою красавицу, Иван бросает лягушиную шкурку в огонь, и тотчас лишается и «царевны» и «лягушки». Высшая мудрость как раз в том и состоит, что он должен был полюбить лягушку, в ней разглядеть царевну – тогда бы пропали злые чары, но он нарушил «правила игры» и был за это наказан. Безобразное чудовище, охраняющее аленький цветочек, погибнет и воскреснет в образе доброго молодца только тогда, когда и в страшном облике полюбит его красная девица.

К подобным фольклорным приемам прибегает и Лесков. Обратимся за примером к его рассказу «Запечатленный ангел». Здесь «маска» – светлый лик Ангела – обезображен сургучом тупого и бездушного чиновника.

«Милостивые государи, вы на меня не посетуйте, что я и пробовать не могу описать вам, что тут произошло, когда барин излил кипящую смоляную струю на лик ангела и еще, жестокий человек, поднял икону, чтобы похвастать, как нашел досадить нам. Помню только, что пресветлый лик этот божественный был красен и запечатлен, а из-под печати олифа, которая под огневою смолою самую малость сверху растаяла, струила вниз двумя

потеками, как кровь в слезе растворенная... Все мы ахнули и, закрыв руками глаза свои, пали ниц и застонали, как на пытке».¹³

Этот же лик, но не обезображенный, а чистый и прекрасный, как бы заново выступает из-под сургуча в творении замечательного художника, пишущего новую икону. Стремление надеть сургучную «маску» и на новый, «узнанный» лик не увенчалось успехом. Нельзя царевне, сбросившей лягушину кожу, снова стать лягушкой. Ее узнают теперь как царевну и в прежнем, лягушином облике. Так и казенный сургуч на лице древнего ангела не скрыл, а только выявил заново, воскресил первозданную неуничтожимую красоту образа.

Все вышесказанное приводит нас к следующему выводу:

По сути дела, нет такого русского прозаика или поэта, который в той или иной мере не обратился бы в своем творчестве к Библии. Библейские заповеди мы найдем в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, А.К.Толстого, Тургенева, Тютчева, Фета... Как каждый человек в определенные моменты своей жизни обязательно обращается к Богу, так и крупнейшие писатели мира, в том числе и русские, в своих произведениях бесконечно осмысливали (и осмысливают по сей день) мудрые библейские заповеди.

Свое осмысление христианских заповедей представил в своем творчестве и крупнейших русский писатель Федор Михайлович Достоевский.

Для Л.Толстого прошедшее обладает свежестью настоящего (недаром роман «Война и мир» меньше всего воспринимался как роман исторический).

Н.Лесков же адресует свои произведения тем, «кто любит вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее с нынешним временем», «кто не очень спешит позабыть наше прошлое, кто не обязывает клеймить отцов своих темною укоризною»¹⁴.

¹³ Лесков Н. Собр.соч. в 11 Т. – М.: 1967 – Т.2. - С.345

¹⁴ Цит. по кн.: Русская литература XIX века и христианство. – М.: 1997- С.73

Ф.Достоевский же весь в современности: его больше всего привлекает текущая действительность, только что нарождающиеся типы, явления и процессы русской жизни. Постараемся доказать это в следующей главе нашей работы, анализируя в аспекте заданной темы знаменитый роман Достоевского «Братья Карамазовы».

ГЛАВА II

Библейские мотивы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»

Роман «Братья Карамазовы», этот последний, «итоговый» роман Достоевского вызвал как в русской, так и в зарубежной критике споры по вопросу о мировоззрении писателя. Тема веры и неверия, вины и ответственности, свободы и духовного рабства человека решаются в данном произведении на многоуровневом и в многоплановом аспектах.

Влияние Библии и других христианских источников ощущается уже в самом сюжете «Братьев Карамазовых». Достоевский «рассказывает» читателю о семье Карамазовых, акцентируя особое внимание на трех сыновьях Федора Павловича, главы дома.

Следует обратить внимание на то, что многие фольклорные элементы (например, магия чисел «три» и «семь»), были в свое время усвоены христианской литературой и «приспособлены» к ее целям.

Три брата в романе «... Карамазовы» - это и сказочный, и христианский (житийный) элемент сюжета. Кроме того, писатель изображает трех братьев как духовное единство. Это соборная личность в тройственной своей структуре: рассудочное начало воплощается в Иване: он логик и рационалист, прирожденный скептик и отрицатель; чувственное начало представлено Дмитрием; начало воли, как идеал, намечено в Алеше. Братья связаны между собой и на чисто сюжетном, событийном уровне: они вырастают из одного родового корня: «биологическая общность» трех сыновей – «карамазовская стихия» - показана в их отце, Федоре Павловиче. У законных сыновей Федора Павловича есть незаконный брат Смердяков: он - «их воплощенный соблазн и олицетворенный грех»¹⁵.

¹⁵ Кудрявцев Ю. Три круга Достоевского. (Событийное. Социальное. Философское.) – М.: 1992 – С.74

2.1. «Книга Иова» - один из стержневых постулатов романа «Братья Карамазовы»

В одном из дневников Ф.М.Достоевского сказано, что самой дорогой для писателя частью Библии является «Книга Иова» (это связано с некоторыми моментами биографии Достоевского). Происхождение книги Иова таинственно. Неизвестны точно ни дата ее написания, ни ее автор. Иов, праведник, богобоязненный человек, становится жертвой жестокой проверки Бога на верность. Господь насыляет на своего верного раба великие несчастья: погибают его стада, умирают дети.

«Тогда Иов встал, и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою, и пал на землю, и поклонился, и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»¹⁶.

Тогда Иову была ниспослано второе испытание: насланы на него были страшные телесные мучения. Древние иудеи считали, что за грехом неизбежно должно следовать наказание, грешник должен страдать; без греха нет и наказания, нет и страданий. Следовательно, всякий страдающий - грешен. И жена, и друзья Иова убеждают его признать за собой прегрешения, но Иов не признавая за собой никаких грехов, начинает сомневаться в справедливости Яхве: «Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного, и виновного»¹⁷.

Страдания невинных – основной мотив предания об Иове - занимает важное место в философии Достоевского. Его герой, Иван Карамазов, видит только страдания, поэтому не может принять Божий мир. Бог молчит и не откликается на плач страдающих невинно. Иов говорит: «В городе люди стонут, и душа убиваемых вопиет, и Бог не воспрещает того»¹⁸.

О том же говорит и Иван: «Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ним делается, бьет себя в

¹⁶ Библия. Книги Ветхого Завета. Книга Иова. Глава 1, 20-21 стих. – М.: 1992 – С.539

¹⁷ Там же. – Глава 9, 22 стих. - С.544

¹⁸ Там же. – Глава 9, 24 стих. - С.544

подлом месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезами к Боженке, чтобы тот защитил его, - понимаешь ли ты эту ахинею, друг мой и брат мой, послушник ты мой Божий и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея так нужна и создана! Без нее, говорят, и пробыть бы не мог человек на земле, ибо не познал бы добра и зла. Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да весь мир познания не стоит тогда этих слез ребеночка к Боженке».¹⁹

Иван восстает против такого устройства мира, при котором люди, тем более невинные, должны страдать.

Старец Зосима придерживается диаметрально противоположной точки зрения. Обращаясь к Иову, Зосима приходит к выводу о необходимости быть искренним с самим собой, что приводит к искренности веры. Иов не скрывал от себя, что у него все отнято, вследствие чего Господь, отобравший все, остался в его честной душе. Он не избегал мыслей о том, что Иовом все было потеряно, и душа его «отдыхала», до того момента, как объяснение Господа опять пришло к нему и нашло его сердце, как хорошо обработанную почву. Зосима предлагает свой ответ на вопрос о страданиях – ответ, прямо противоположный тоталитарной идее Великого Инквизитора, изображенного Иваном Карамазовым, о государстве, где нет страданий и лишений, но где люди несвободны. Решение Зосимы основано на приятии и даже необходимости страдания ради искупления, оно зиждется на красоте, морали и эстетике Божьего мира – понятия, уходящего глубокими корнями в русскую традиционную культуру. Божий мир так же нужен человеку для пути к Богу, как и Священное писание.

¹⁹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы. – М.: 1972 – Т.1., С.291-292
(в дальнейшем – ссылка на данное издание с указанием тома и страницы)

2.2. Особая «смысловая нагрузка» эпиграфа романа «Братья Карамазовы»

В эпиграф романа «Братья Карамазовы» Достоевский выносит слова Христа:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».²⁰

Введение в эпиграфе («Истинно, истинно говорю вам...») можно было опустить, но почему-то Достоевский его оставляет. Критик В.Кантор пишет по этому поводу: «... думается, он делает это не случайно. Истинность нравственных ориентиров и ценностей Царства Божия для автора романа абсолютна и несомненна. Все же остальное «именно в наш текущий момент» приводит его в «некоторое недоумение». Для Достоевского смысл эпиграфа имеет особое значение. Конец цитаты в эпиграфе - «Если пшеничное зерно...» - суть романа, вывод по результатам исследования писателя».²¹

Другой критик, И.Миндлин, высказывается по этому поводу так: «Мы полагаем, что следует особенно отметить источник эпиграфа: Евангелие от Иоанна. Почему Достоевский ссылается на Евангелие от Иоанна, а не от Матвея или Луки? Рискнем предположить, что Евангелие от Иоанна наиболее соответствует духу православной церкви, оно - «самое русское», обращенное к «таинственной русской душе», а потому наиболее отвечающее христианским взглядам самого Достоевского: «Дабы всякий верующий... не погиб».²²

«Христианство Достоевского, - по словам критика Н.Бердяева, - это белое, «Иваново христианство». Именно Достоевский много дает для христианства будущего, для торжества вечного Евангелия – религии свободы и любви. Несомненно и то, что Достоевский избрал эпиграфом к роману цитату, наиболее отвечающую своему, личному «я верую».²³

²⁰ Библия. Книги Нового Завета. Евангелие от Иоанна. – Глава 12., стих 24. – М.: 1993 - С.118

²¹ Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М.: 1993 – С. 127

²² Миндлин И. Вера или неверие? Заметки о Достоевском. – В сборнике статей «Христианство и русская литература». - СПб.: 1994 . – С.283-284

²³ Бердяев Н. «Философия творчества, культуры, искусства» (повт.изд.) – М.: 1991 - Т. 1,стр. 149

2.3. Житийная ориентация вступления («От автора») романа «Братья Карамазовы»

Житийная ориентация Достоевского определенно сказывается во вступлении к «Братьям Карамазовым» («От автора»), где повествователь в тоне интимной беседы с читателем объясняет ему причину, побудившую его взяться за роман, и назидательную цель своего «рассказа», а также сомнения и беспокойства, которые вызывает в нем предстоящий труд:

«Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова, нахожусь в некотором недоумении. А именно: хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но, однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбежные вопросы <...> Ну а коль прочтут роман и не увидят, не согласятся с примечательностью моего Алексея Федоровича? Говорю так, потому что с прискорбием это предвижу. Для меня он примечателен <...> Дело в том, что это, пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся. Впрочем, странно бы требовать в такое время, как наше, от людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомненно: это человек странный, даже чужак...» (Т.1, С.31).

В отличие от житийного вступления вступление «Братьев Карамазовых» лишь меняет характер существенных для жития формул и модернизирует их. Так, беспокойство житийного повествователя относится только к слабости его самого и никогда не распространяется на житийного героя, тогда как повествователь Достоевского считает нужным настаивать на «примечательности» Алексея Федоровича, волнуется, что читатель ее не заметит или не примет. Доверительный тон вступления, обращенный к читателю, указание дидактической установки рассказа, так же как и в житийном повествовании, соотносятся с теми отступлениями, где рассказчик переходит к новой теме или посвящает читателя в свои писательские намерения:

«Об этом (жизни Мити до «катастрофы») я теперь распространяться не стану, тем более что много еще придется рассказывать об этом первенце Федора Павловича, а теперь лишь ограничиваюсь самыми необходимыми о нем

сведениями, без которых мне и романа начать невозможно»; «Но, пока перейду к этому роману нужно еще рассказать и об остальных двух сыновьях Федора Павловича, братьях Мити, и объяснить, откуда те-то взялись»; «...и вот жаль, что чувствую себя на этой дороге не довольно компетентным и твердым. Попробую, однако, сообщить малыми словами и в поверхностном изложении...» (Т.1, С.40)

Приведенные примеры переходов от одной темы к другой или от отступления к основному повествованию представляют модернизацию незатейливых переходов житийного рассказа.

Общий тон повествователя Достоевского, чрезвычайно взволнованного теми обстоятельствами «катастрофы», которые он излагает, не только не противоречат его житийной ориентации, но, напротив, продолжает ее. Дело в том, что «агиографическое (житийное) повествование, в отличие от летописного (несмотря на всю их, близость), не может быть бесстрастным. Оно проникнуто выраженным отношением к предмету - либо благоговейным и сочувственным (если речь идет о «положительных героях» жития), либо явно отрицательным (если повествует о негативных примерах). Оно же с большим основанием и широтой, чем летопись, включает религиозно-философские рассуждения, моралистические сентенции и тирады.

Наконец, повествователь «Братьев Карамазовых», как и житийный повествователь, при всей его близости к главным героям романа, на всем его протяжении от них отделен. Он не допускается до непосредственного общения с ними, которое неизбежно снизило бы их, равно как и всю произошедшую с ними «катастрофу», до уровня ординарного уголовного происшествия и потому помешало бы высокой авторской задаче стремлению представить в главных своих героях некий морально-философский синтез современной ему России.

В то же время в характер житийного повествователя «Братьев Карамазовых» привнесены черты современного автору интеллигентного обывателя и резонера, хорошо осведомленного в вопросах «текущей действительности». Автор сознательно соединяет эти архаичные и новейшие элементы в своем вымышленном рассказчике на основании наивности и

простодушия того и другого характеров, составляющих его образ. В сообщении о скандальной подробности биографии того или иного героя он вставляет житийное «повествуют» или «по преданию», в спокойную неприхотливую житийную фразу - современное слово: «...люди специальные и компетентные утверждают, что старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет» (Т.1, С.58-59).

Таким образом, не только проблематика, но и стиль романа «Братья Карамазовы» связаны с христианством и христианскими источниками. В этом последнем романе писатель, как и прежде, демонстрирует глубокое проникновение в душу каждого из своих героев, вскрывает подлинные, а не мнимые, мотивы их поступков. Вновь, как и в «Преступлении и наказании», возникает вопрос о возможности преступления, о разрешении преступления по совести. Конфликт обостряется тем, что на этот раз в виде жертвы выступает Федор Карамазов - человек в высшей степени развращенный, циничный, отвратительный, но – отец. Братья Карамазовы несут на себе тяжкий крест «карамазовской натуры». А она, как говорит на суде прокурор, безудержна: ей нужно одновременно и ощущение низости падения, и ощущение высшего благородства. «Две бездны, две бездны, господа, в один и тот же момент – без того мы несчастны и неудовлетворенны, существование наше неполно. Мы широки, широки как вся наша матушка Россия, мы все вместим и со всем уживемся» (Т.2, С.414).

2.4. Общая вина и общее искупление братьев Карамазовых

Тема ответственности за преступления решается Достоевским в «Братьях Карамазовых» на ином, если можно так выразиться, «более евангельском уровне», чем в другом знаменитом романе писателя - «Преступление и наказание». Братья, каждый по-своему, переживают единую трагедию, у них общая вина и общее искупление. Не только Иван со своей идеей «все

позволено», не только Дмитрий в своем безудержье страстей, но и «тихий мальчик» Алеша ответственны за убийство отца. Все они сознательно или подсознательно желали его смерти, и их желание толкнуло Смердякова на злодеяние: он был их послушным орудием. Убийственная мысль Ивана превратилась в разрушительную страсть Дмитрия и в преступное действие Смердякова. Они виноваты активно, Алеша - пассивно. Он знал – и допустил, мог спасти отца – и не спас. Общее преступление братьев влечет за собой и общее наказание. Автором судится не только и не столько сам поступок, сколько мысль, желание. Непосредственный убийца Смердяков, поднявший руку на своего отца, в сущности, даже не предстает перед судом. Он осужден уже заранее, изначально, потому-то и кончает жизнь, как Иуда, - в петле. Дмитрий искупает свою вину ссылкой на каторгу, Иван - распадением личности и явлением черта, Алеша – страшным духовным кризисом. Ибо подлинному суду подлежат не только дела, но и помыслы человеческие.

Этот роман, как и всегда у Достоевского, говорит об очищающей силе страдания. И Митя, приговоренный к каторге юридически безвинно, осознает, что духовная его вина перед убитым отцом неоспорима и что именно за эту невидимую миру вину наказывает его Господь видимым образом. И хотя роман обрывается как бы на полуслове планами брата Ивана и Катерины Ивановны освободить Митю с этапа и вместе с Грушей отправить в Америку, читатель явственно ощущает, что этим планам не суждено будет сбыться. Да и слишком уж русский человек Митя Карамазов, чтобы найти свое счастье в Америке. «Ненавижу я эту Америку уже теперь!.. Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец», - говорит он брату на свидании после суда. Действительно, не суждено было бежать с каторги Дмитрию Карамазову. Во второй, ненаписанной, части романа, по воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, «действие переносилось в восьмидесятые годы. Алеша уже являлся не юношей, а зрелым человеком, пережившим сложную душевную

драму с Лизой Хохлаковой; Митя же возвращался с каторги».²⁴ По сути дела, именно Дмитрий Карамазов является героем, сознательно приносящим себя в жертву. Или, во всяком случае, сознательно соглашающимся на такую жертву, сознательно идущим по пути искупления собственного греха и греха своих братьев.

Все вышесказанное приводит нас к следующему выводу: уже самим эпиграфом Достоевский определяет общую тему своего романа «Братья Карамазовы», намечая, по словам критика К.Мочульского, «поле» своего творческого исследования. Критик пишет: «Можно выделить понятия, относящиеся к этому «полю»: есть «Царство Божие», «царство Небесное», которое «не от мира сего»; в противоположность ему существует наш мир, не разумеющий, не слышащий Великого Слова этого Царства. Душа, по мнению Достоевского, нечто «неопределенное, невыяснившееся», но при этом она – идеал «почвы» для восприятия Слова Божия, для принятия Царства Божия. Достоевскому вполне очевидно: чистое, терпеливое сердце, это сердце человека, «ненавидящего себя в мире сем». Главное при этом не абстрактные понятия, а сам процесс отречения человека от греховного плотского «я» для принесения себя в жертву ради высшей идеи, ради «зерна» которое «принесет много плода»²⁵.

²⁴ Цит. по кн.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 -1931 г.г. (составители: В.Борисов, А.Рогинский) – М.: 1990 – С. 279

²⁵ Мочульский К. Н.Гоголь, В.Соловьев и Ф.Достоевский. – М.: 1995 – С.149

ГЛАВА III

Специфика образной системы романа «Братья Карамазовы» в аспекте христианской проблематики

3.1. «Безбожный разум» Ивана Карамазова

С каждым из братьев романа Достоевского «... Карамазовы» ассоциируется тот или иной мотив, связанный с проблематикой религиозности и атеизма. Дмитрий (о котором уже было сказано ранее) олицетворяет собой жертвенную личность, Иван «бунтарь», богоборец, Алеша же воплощает образ инока в миру, кроме того, с ним связана житийная линия романа.

Иван, второй сын Федора Павловича, рос в чужой семье угрюмым отроком и рано обнаружил блестящие умственные способности. Алеша признается Ивану в трактире: «Брат Дмитрий говорит про тебя: Иван - могила. Я говорю про тебя: Иван загадка. Ты и теперь для меня загадка» (Т.1., С.277). Алеша чувствует, что Иван занят чем-то внутренним и важным, стремится к какой-то цели, может быть, очень трудной. «Он совершенно знал, что брат его атеист» (Т.1., С.278). Так загадочно вводится автором фигура «ученого брата». Поведение его непонятно и двусмысленно: почему, будучи атеистом, он пишет о теократическом устройстве общества? Почему он «твердо и серьезно» принимает благословение старца и целует его руку?

Опытный, умеющий понимать людей Зосима сразу отгадывает тайну молодого философа. Ивана «Бог мучает»; в его сознании происходит борьба между верой и неверием. Старец говорит ему: «Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его... В этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения... Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такою мукой мучиться». Иван не самодовольный безбожник, а высокий ум, «сердце высшее», мученик идеи, переживающий неверие как личную трагедию. Не случайно Зосима, говоря с ним, заканчивает пожеланием: «Дай вам Бог, чтоб решение сердца вашего постигло еще на земле, и да благословит Бог пути ваши». Праведник благословляет «неустанное стремление» грешника и предска-

зывает ему падение и восстание. Автор «Легенды о Великом инквизиторе» не погибает. В эпилоге Дмитрий пророчествует: «Слушай, брат Иван всех превзойдет. Ему жизнь, а не нам. Он выздоровеет» (Т.2., С.491), в нем есть «такая сила, что все выдержит».

Иван - традиционная для Достоевского трагически раздвоенная личность. Этот герой – логик и рационалист – делает удивительное признание:

«Я знаю заранее, - говорит он, - что паду на землю, и буду целовать камни, и плакать над ними... Собственным умилением упьюсь» (Т.2., С.293). Атеисту Ивану доступны слезы восторга и умиления! И он, как Алеша, способен пасть на землю и обливать ее слезами. Но карамазовская любовь к жизни сталкивается в его душе с безбожным разумом, который разлагает и убивает ее. Он отрицает умом то, что любит сердцем, считает свою любовь бессмысленной и неприличной. Разве достойно человека любить «нутром и чревом» то, что разумному сознанию его представляется «беспорядочным, проклятым и, может быть, бесовским хаосом»? В Иване завершается многовековое развитие философии от Платона до Канта... «Человек есть существо разумное» (Т.1., С.105) - это положение для Ивана важнее всего на свете.

Иван горд своим разумом, и ему легче отказаться от Божьего мира, чем от разума. Будучи рационалистом, он не желает примиренья с какой-то «ахинеей». Здесь-то и начинается трагедия. В мире есть иррациональное начало, зло и страдание, которое непроницаемо для разума. Иван строит свою аргументацию на самом выигрышном виде несправедливости - страдании детей, которые не успели в своей жизни совершить никаких грехов, за которые их могла бы наказать кара Божья. «Не стоит она (мировая гармония) слезинки, хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачками в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезками своими к «Боженьке», — заявляет Иван и насмешливо заключает: «Слишком дорого оценили гармонию, и не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу

возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю» (Т.1., С.294-295).

Иван допускает существование Бога: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (Т.1., С.284).

Иван принимает Бога, но лишь для того, чтобы возложить на него ответственность за созданный Им «проклятый хаос» и чтобы с невероятной «почтительностью» возвратить ему «билет».

Бунт Ивана отличается от наивного атеизма XVIII века: Иван не безбожник, а богоборец. Он обращается к христианину Алеше и вынуждает его принять свой атеистический вывод:

«Скажи мне сам прямо, говорит он, - я зову тебя - отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой; но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!» (Т.1., С.295).

И Алеше, истинно верующему человеку, приходится ответить: «Нет, не согласился бы». Это означает, что принять архитектора, построившего мир на слезах детей, нельзя; в такого Творца верить нельзя. Иван торжествует: своей логической цепочкой он «затягивает» «инока» в сети своих рассуждений и заставляет его согласиться с идеей «бунта». Ведь Алеша не мог ответить по-другому, иначе он бы не имел права называться Человеком. «Иван отрицает Бога из любви к человечеству, выступает в роли адвоката всех страждущих против Творца. Однако в этом самозванстве кроется обман, так как в устах атеиста воззвания к благородным человеческим чувствам — это чистая риторика», - пишет критик Ю.Селезнев.²⁶

²⁶ Селезнев Ю. В мире Достоевского. – М.: 1980 – С.137

«Иван не верует в бессмертие, а потому не может любить людей. Надевая маску человеколюбия, он пытается поставить себя на место человеколюбца-Творца. Якобы он бы создал более справедливое устройство мира. Что же означает «бунт» на самом деле? Существование зла в мире доказывает, что Бога нет. Христианство признает грехопадение и верит в наступление Страшного Суда; Иван отрицает первое и отвергает второе: он не желает возмездия за невинные страдания. В христианстве все человечество грешно: все «зачаты в беззаконии и рождены в грехах», - пишет критик В.Иванов.²⁷

В Интернете мы находим следующее определение:

«Иван отрицает наличие первородного греха, считая, что человек рождается невинным. Поэтому страдания детей несправедливы и Страшный Суд бессмыслен. Ответственность за зло возлагается на Бога. Но злой Бог не есть Бог, - что и требовалось доказать. Вся сила христианства в личности Христа, победителя греха и смерти. Но если нет греха, то нет и искупления. Диалектика неизбежно ведет атеиста к столкновению с Богочеловеком».²⁸

Алеша, подавленный аргументами Ивана, вынужденный разделить его «бунт», вспоминает, что «есть Существо, которое может все простить, все и вся и за все, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за все» (Т.1., С.295). Иван ждал этого «напоминания»; он знал, что все его доказательства окажутся бессильными, если ему не удастся ниспровергнуть дело Христа. Разрушив идею грехопадения и возмездия, атеист должен уничтожить и идею искупления. В чем же обвинить «Единого Безгрешного»?

3.2. Религиозный миф богоборца Ивана

Понимая сложность борьбы, богоборец представляет Алеше вместо логических доводов религиозный миф, действие которого происходит в Испании в XV веке. «Легенда о Великом Инквизиторе» - величайшее создание,

²⁷ Иванов В. Борозды и межи (2-е изд.) – СПб.: 1996 – С.97-98

²⁸ Интернет: www.velib.com/dostoevske

вершина творчества Достоевского, повествующее о том, как Спаситель снова приходит на землю.

В Севилье в период разгула инквизиции, Он появляется среди толпы, и люди узнают Его. Лучи света и силы текут из Его очей; Он простирает руки, благословляет, творит чудеса. Великий Инквизитор, «девяностолетний старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом и впалыми щеками», приказывает посадить его в тюрьму. Ночью он приходит к своему пленнику и начинает говорить с ним. «Легенда» - монолог Великого Инквизитора. Христос остается безмолвным. Взволнованная речь старика направлена против учения Богочеловека. Обвиняя Его, он оправдывает себя, свое духовное предательство. «Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия» искушал Христа в пустыне, и Он отверг его. Инквизитор утверждает, что искушитель был прав. «Ты хочешь идти в мир, - говорит он Христу, - и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество, как стадо, благодарное и послушное...» (Т.1., С.285-286).

Спаситель отверг совет злого духа, потому что не пожелал хлебом купить послушание, не пожелал отнять у людей свободу. Инквизитор пророчествует: во имя хлеба земного восстанет на Христа дух земли, и человечество пойдет за ним; на месте храма воздвигнется Вавилонская башня; но, промучившись тысячу лет, люди вернутся к римской церкви, «исправившей» дело Христа, принесут ей свою свободу и скажут: «Лучше поработите нас, но накормите нас».

«Первое искушение в пустыне — пророческий образ истории человечества; «хлебы» — символ безбожного социализма; искушенью «страшного и умного духа» подпадает не только современный социализм, но и римская церковь. Достоевский был уверен, что католичество, рано или поздно,

соединится с социализмом и образует с ним единую Вавилонскую башню, царство Антихриста. Инквизитор оправдывает измену Христу тем же мотивом, каким Иван оправдывал свое богоборчество, - человеколюбием. По словам Инквизитора, Христос ошибся в людях. Так Христову учению о человеке противопоставляется учение антихристов. Христос верил в образ Божий в человеке и преклонялся перед его свободой; Инквизитор считает свободу проклятием этих жалких и бессильных бунтовщиков и, чтобы осчастливить их, провозглашает рабство. Лишь немногие избранные способны вместить завет Христа. Неужели же Он не подумал о миллионах и десятках тысяч миллионов слабых, которые не в силах предпочесть хлеб небесный хлебу земному?

Во имя этой же свободы человека Христос отверг и два других искушения — чудом и земным царством», - пишет критик В.Кантор²⁹.

Инквизитор рисует картину «детского счастья» порабощенного человечества: «Они будут расслаблено трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы, мы устроим им жизнь, как детскую игру с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех... И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими... Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, и за гробом обрящут лишь смерть...» (Т.1, С.293).

Инквизитор умолкает; пленник безмолвен. «Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в бескровные, девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит Ему: «Ступай и не приходи более. Не приходи вовсе... Никогда, никогда!». И выпускает Его на «темные стогна града». Пленник уходит». (Т.1., С.297)

В чем же тайна Великого Инквизитора? Алеша догадывается: «Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет» (Т.1., С.296). Иван

²⁹ Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М.: 1993 – С. 198-199

охотно соглашается. «Хотя бы и так! - отвечает он. - Наконец-то ты догадался. И, действительно, так, действительно, только в этом и весь секрет...» (Т.1., С.296).

Символика «легенды» многопланова: на поверхности лежит обличение «антихристов» начала римской церкви и современного социализма. «Достоевский был соблазнен фантастической идеей о том, что Вавилонская башня, воздвигаемая безбожным социализмом, будет увенчана Римом. Но это несправедливое и нехристианское осуждение католичества — только внешний покров религиозного мифа. Под ним скрывается глубочайшее исследование метафизического смысла свободы и власти», - утверждает критик Ю.Кудрявцев.³⁰

Автор «Карамазовых» представляет богоборчество во всем его демоническом величии: Инквизитор отвергает заповедь любви к Богу, но становится фанатиком заповеди любви к ближнему. Его могучие духовные силы, уходившие раньше на почитание Христа, обращаются теперь на служение человечеству. Но безбожная любовь неминуемо обращается в ненависть. Потеряв веру в Бога, Инквизитор должен утратить и веру в человека, потому что две эти веры неразделимы. Отрицая бессмертие души, он отвергает духовную природу человека. И сразу же человек превращается для него в жалкое, слабое и подлое существо, история человечества — в бессмысленное нагромождение бедствий, злодейств и страданий. Если человек только земная тварь, то судьба его - действительно «дьяволов водевиль»; если люди «за гробом обрящут только смерть», то воистину они «недоделанные, пробные существа, созданные в насмешку».

«Тогда для филантропа остается одна цель: облегчить этим несчастным созданиям их короткую жизнь, «устроить» на земле это непокорное стадо. Человеку дано только мгновение земной жизни, пусть же он проживет его в довольстве и покое. И Инквизитор устраивает «всеобщее счастье»: он

³⁰ Кудрявцев Ю. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское.) – М.: 1992 – С. 217

накормит людей («хлеб»), свяжет их бесчинную волю «тайной и авторитетом», возьмет меч Кесаря и соберет малосильных бунтовщиков в единое стадо. Тогда воздвигнется великая Вавилонская башня и воссядет на звере блудница - и уже навеки»³¹.

Иван утверждал, что без веры в Бога и в бессмертие нельзя любить человечество. Великий Инквизитор доказывает и это. Он начал с человеколюбия и кончил превращением людей в домашних животных.

«Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди, посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? ... Он слаб и подл» (Т.1., С.289-290)

Чтобы осчастливить человечество, он отнял у него человеческое. Герой «Легенды» кончил идеей «безграничного деспотизма».

Монолог Инквизитора – шедевр ораторского искусства; выводы логически следуют из предпосылок, заключения поражают своей неотразимостью; но отрицательная аргументация вдруг оборачивается положительной: обвинительная речь становится величайшей в мировой литературе теодицеей.

«Легенда» завершает дело всей жизни Достоевского – его борьбу за человека. Он вскрывает в ней религиозную основу личности и неотделимость веры в человека от веры в Бога. С неслыханной силой утверждает он свободу как образ Бога в человеке и показывает антихристово начало власти и деспотизма. Без свободы человек – зверь, человечество – стадо; но свобода сверхъестественная и сверхразумная, в порядке природного мира свободы, есть только необходимость. Свобода - божественный дар, драгоценнейшее достояние человека. Ни разумом, ни наукой, ни естественным законом

³¹ Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М: 1993 – С. 201

обосновать ее нельзя - она укоренена в Боге, раскрывается во Христе. Свобода есть акт веры», - утверждает критик В.Розанов.³²

Безбожные человеколюбцы отвергают Бога, так как в мире существует зло. Но зло существует только потому, что есть свобода. Под лживой жалостью к страданиям человечества таится дьявольская ненависть к человеческой свободе и «образу Божию» в человеке. Вот почему, начиная с человеколюбия, он и кончает деспотизмом.

«Легенда о Великом инквизиторе» включает в себе «доказательство от противного». Обвиняя Христа, Инквизитор произносит окончательный приговор своему антихристову делу. Он кончает «стадом» и Вавилонской блудницей.

«Молчание Христа таит в себе оправдание человека и утверждение его богочеловеческого достоинства. Хула на Христа превращается в Его прославление. Инквизитор упрекает Спасителя в том, что он возложил на человечество невыносимое бремя свободы, потребовал от него невозможного совершенства и, следовательно, поступил так, как будто и не любил его вовсе. А вот он, Инквизитор, действительно «возлюбил» людей: накормил, поработил и превратил в стадо», - утверждает Р.Лаут³³.

«Достоевский делает величайшее духовное открытие: свободная личность человека раскрывается только во Христе; любовь к человечеству может быть только во Христе. Любовь к ближнему свойственна не падшей человеческой природе, а природе божественной. Человеколюбец – не человек, а Бог, отдавший Сына своего на спасение мира», - пишет критик Л.Кришталева³⁴.

Достоевский думал, что в «Легенде» он обличает обман католичества и ложь социализма; но обличение его (как утверждают многие критики) «шло дальше и глубже». Антихристово царство Инквизитора строится на чуде, тайне и авторитете. В духовной жизни начало всякой власти от лукавого.

³² Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М.Достоевского. – В кн.: Литературные очерки. о писательстве и писателях. – М.: 1996 – С. 258-259

³³ Лаут Р. К вопросу о генезисе «Легенды о Великом Инквизиторе». – М.: 2002 – С.244

³⁴ Кришталева Л. Нравственная значимость поступка в романе Ф.Достоевского «Братья Карамазовы». – СПб.: 2001 - С. 189

Никогда во всей мировой литературе христианство не выставлялось с такой поразительной силой, как религия духовной свободы. Христос Достоевского не только Спаситель и Искупитель, но и Единый Освободитель человека. Инквизитор с темным вдохновением и раскаленной страстью обличает своего Пленника; тот безмолвствует и на обвинение отвечает поцелуем. Ему не надо оправдываться: доводы врага опровергнуты одним присутствием Того, Кто есть «Путь, Истина и Жизнь».

Иван кончил. Алеша спрашивает о дальнейшей судьбе Инквизитора. «Поцелуй горит на его сердце,— отвечает Иван, но старик остается в прежней идее».- «И ты вместе с ним, и ты?» - горестно воскликнул Алеша. Иван засмеялся» (Т.1., С.297).

Да, Иван с Инквизитором, со «страшным и умным духом» против Христа. Путь богоотступничества и богоборчества он должен пройти до конца. Его идея «все позволено» реализуется в отцеубийстве Смердякова, «дух самоуничтожения и небытия» воплощается в «черте». Знаменитая сцена кошмара Ивана — гениальное создание художника и... философа. И в начале романа старец Зосима говорит «ученому брату», что вопрос о Боге «еще не решен в его сердце и мучает его».

3.3. «Двойники» Ивана Карамазова

«Традиционно в романах Достоевского построена сложная система двойников», - утверждает критик М.Бахтин.³⁵

Так оно и есть: у Ивана Карамазова - два двойника, раскрывающие суть убеждений героя. Раздвоенность сознания между верой и неверием показана в диалоге героя с чертом. Насмешливый посетитель делает все усилия, чтобы заставить атеиста принять его реальность: стоит ему поверить в сверхъестественное, и позитивное мировоззрение разрушено, «эвклидовский ум» взорван. Иван отчаянно борется с «кошмаром»; в ярости он кричит черту: «Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду. Ты - ложь, ты -

³⁵ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1979 – С. 57

болезнь моя, ты - призрак. Ты — воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых». Однако он вскакивает, чтобы избить своего «приживальщика», надавать ему пинков; с размаху пускает в него стакан, а после его исчезновения говорит Алеше: «Нет, нет, нет, это был не сон! Он был, он тут сидел, вот на том диване...» (Т.2., С.367).

Так вопрос о загадочном посещении останется нерешенным в сердце Ивана. Он верит, когда не верит, отрицая, утверждает. Реальность ускользает от человека, потерявшего высшую реальность — Бога; явь сливается с бредом, ничего нет, все только кажется. Автор с необыкновенным искусством воспроизводит эту неразличимость фантастического и реального. Черт - галлюцинация; Иван накануне заболевания белой горячкой, но черт и реальность: он говорит то, что Иван не мог бы сказать, сообщает факты, которых тот не знал.

Посетитель Ивана Карамазова, русский джентльмен-приживальщик. Герой с ненавистью говорит о нем: «Раздень его и, наверно, отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки, в аршин длиной будет...». Какая конкретность в описании фантастического, в какую низменную тривиальность облечено сверхъестественное! Черт дразнит его: «Ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. Ты оскорблен, во-первых, в эстетических чувствах твоих, а во-вторых, в гордости: как, дескать, к такому великому человеку мог войти такой пошлый черт?» (Т.2., С.361)

Здесь открывается лживость сатанинской красоты. В своей «Легенде» Иван представил дьявола в величественном образе страшного и умного духа, и вот он оказался пошлым приживальщиком с бурым хвостом, как у датской собаки... Дух небытия - самозванец: это не Люцифер с опаленными крыльями, а бесенок «из неудавшихся», воплощение мировой скуки и мировой пошлости.

Но у Ивана Карамазова не один двойник, а два: рядом с чертом стоит Смердяков. Лицо «ученого брата» искажено в отражении двух зеркал. Черт повторяет его мысли, но только «самые гадкие и глупые».

«Смердяков снижает его «идею» до гнусного уголовного преступления. В низменной душе лакея теория Ивана «все позволено» превращается в замысел убийства с целью ограбления. Иван мыслит отвлеченно, Смердяков делает практический вывод. «Вы убили, - заявляет он своему «учителю», - вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным и по слову вашему дело это и совершил»³⁶.

Смердяков следует за Иваном как «исполнитель». Сын развратника Федора Павловича и дурочки Лизаветы Смердящей, лакей-убийца Смердяков – человек болезненный и странный. Он страдает падучей, говорит самодовольно, доктринерским тоном и всех глубоко презирает. «В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией». Смердяков – самолюбивая, надменная и мнительная бездарность. Он прирожденный скептик и атеист. Двенадцатилетнего мальчика слуга Григорий учит священной истории. Тот насмешливо и высокомерно его спрашивает: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?».

Смердяков - совсем не глупец; у него ум низменный, но изворотливый и находчивый. Федор Павлович называет его «иезуитом» и «казуистом». И в эту уродливую душу падает зерно учения Ивана. Лакей принимает его с восторгом.

«Ивана «Бог мучает» - вопрос о бессмертии для него не решен. В сердце Смердякова Бога никогда не было, он безбожник от природы, естественный атеист: и принцип «все позволено» вполне отвечает его внутреннему закону. Иван только желает смерти отца. Смердяков убивает», - пишет критик Ю.Кудрявцев.³⁷

³⁶ Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М.: 1993 – С. 188

³⁷ Кудрявцев Ю. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское.) – М.: 1992 – С.221

В трех свиданиях сообщников разворачивается трагическая борьба между убийцей моральным и убийцей фактическим. Смердяков никак не может понять ужаса и терзаний Ивана, ему кажется, что тот притворяется, «комедь играет». Чтобы доказать ему, что убил не Дмитрий, а он, лакей показывает пачку денег, похищенную им после убийства.

Достоевский находит детали, придающие этой сцене характер необъяснимого ужаса. «Подождите-с, - проговорил Смердяков слабым голосом и вдруг вытащив из-под стола свою левую ногу, начал завертывать на ней наверх панталоны. Нога оказались в длинном белом чулке и обута и туфлю. Не торопясь, он снял подвязку и запустил в чулок глубоко свои пальцы. Иван Федорович глядел на него и вдруг затрясся в конвульсивном испуге... Смердяков вытащил пачку и положил на стол» (Т.2., С.334)

Смердяков отдает деньги Ивану. «Не надо мне их вовсе-с», - говорит он. Он думал, что убил ради денег, но теперь понял, что это была «мечта». Он доказал себе, что «все позволено», с него этого довольно.

Иван спрашивает: «А теперь, стало быть, в Бога уверовал, коли деньги назад отдаешь?» - «Нет, не уверовал-с», - прошептал Смердяков». Ему, как Раскольникову, нужно было только убедиться, что он может «преступить». Его, как и убийцу студента, награбленное не интересует. «Все позволено», значит, «все, все равно». Преступив Божий закон, отцеубийца отдает себя «духу небытия». Смердяков кончает самоубийством и оставляет записку: «Истребляю свою жизнь своею собственной волей и охотой, чтобы никого не винить». Так совершает он последний акт демонического своеволия.

Тема «двойничества» свойственна творчеству Достоевского и не раз «проявлялась» в его романах. Критики, особенно К.Кедров и Ю.Селезнев, в своих работах обращали на это особое внимание, проводя интересные сравнительные параллели между пониманием этой темы Достоевским и Лесковым. Так, например, К.Кедров пишет по этому поводу следующее:

«Для Лескова дуализм человеческой природы не только терпимое, но и желательное явление. Человек Лескова уютно и просто расположится там, где человек Достоевского до бесконечности сталкивает свои «pro» и «contra». В этом смысле можно сказать, что Лесков уловил особую тонкость мифологического сознания, не требующего от мира логической непротиворечивости и завершенности».³⁸

И далее тот же Кедров приводит такое доказательство: «Купчиха, в которую мечтал воплотиться черт Ивана Карамазова, преспокойно отвешивает свои семипудовые поклоны в бесчисленных лесах-скитах, где обитают Памвы – безгневные и бесплотные. Это не всеядность, а живое воплощение заветной мысли Лескова о том, что человек значительно шире логики. «Широк, слишком широк человек, я бы сузил», - этот крик героев Достоевского может вызывать лишь ухмылку у героев Лескова, который и не стремится понять себя за пределами мифа и тайны. Там, где у Достоевского логика и хронология, у Лескова – начало мифа».³⁹

В логике и философии тезис и антитезис требуют синтеза, в мифе они ничего не требуют и существуют вместе. Осмысливая работы Лескова и Достоевского, понимаешь, что двойственность и противоречивость человеческой природы легко воплощаются в мифологии первого писателя и почти не поддаются логическим и психологическим силлогизмам, раздирающим героев второго великого художника слова.

3.4. «Житие» Алеши Карамазова

Смятения души были свойственны и Алеше Карамазову, но прежде чем начать говорить об этом герое, подчеркнем, что мы будем рассматривать его образ, прежде всего, с точки зрения житийности повествования.

«Младший из братьев Карамазовых, Алеша, обрисован бледнее других. Его личная тема заглушается страстным пафосом Дмитрия и идейной

³⁸ Кедров К. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н.Лескова. – В кн.: В мире Лескова. – М.: 1993 – С. 70

³⁹ Там же.

диалектикой Ивана. Подобно своему духовному предшественнику князю Мышкину, Алеша сочувствует и сопереживает с другими. Действие романа им не определяется и «идея» его только намечена».⁴⁰

А между тем «Карамазовы» были задуманы автором как жизнеописание (житие) Алеши, и в предисловии он прямо называется героем романа. Достоевский пытается объяснить это несоответствие между замыслом и выполнением: Алеша не похож на героя, потому что он «деятель неопределенный, невыяснившийся». Образ его раскроется в будущем. «Главный роман - второй, - пишет автор, - это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще 13 лет назад и есть почти даже не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя». Но второй роман не был написан, и Алеша остался таким же «недоконченным», как и князь Мышкин. Работая над «Идиотом», автор признавался: «Изображение положительно-прекрасного есть задача безмерная».

В «Карамазовых» идеальный образ человека – только предчувствие и предвидение. Алеша – единокровный брат Ивана, Мать его, смиренная, «кроткая» Софья Ивановна, была кликушей. Он унаследовал от нее религиозный строй души. Одно воспоминание из раннего детства определило его судьбу. «Алеша запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца, в комнате, в углу, образ, перед ним зажженную лампадку и перед образом па коленах рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу, как бы под покров Богородице» (Т.1., С.32). Софья Ивановна, страдальца мать мистически связана с Пречистой Матерью Богородицей. Алеша отдан ею под покров Божией Матери; он – посвященный, и на нем с детских лет почиет благодать.

⁴⁰Глушаков М. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» - Интернет: www.auportal.ru/dostoevskiy

Алеша, как обычный герой житийного повествования, уже в ранней юности обнаруживает стремление уйти из суетного мира, потому что земные страсти чужды ему. Старика Карамазова поразила причина его возвращения: Алеша приехал разыскать могилу своей матери. Вскоре он поступил послушником в монастырь к прославленному старцу и целителю Зосиме. Автор боится, что юный его герой покажется читателю экзальтированным чудаком и фанатиком. Он настаивает на физическом и моральном здоровье своего героя... «Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем 19-летний подросток. Он был в то время даже очень красив собою, строен, средне-высокого роста, темно-русый с правильным хотя, несколько удлинённым овалом лица, с блестящими темно-серыми, широко расставленными глазами, весьма задумчивый и, по-видимому, весьма спокойный». У него особый дар возбуждать всеобщую любовь, он всех любит, обид не помнит, никогда не заботится, на чьи средства живет; ровен и ясен; у него «дикая, исступленная стыдливость и целомудренность», что тоже служит признаком житийного героя. Сложные взаимоотношения идеального житийного героя и окружающего его мира делают этого героя для обычного восприятия странным. Алеша, как обычный житийный герой, уже в детстве обнаруживает незаурядные свойства будущего подвижника.

Алеша «пышет здоровьем», краснощек, крепко стоит на земле и полон карамазовской стихийной жизненности. Но почему этот жизнерадостный юноша сделался послушником? Писатель объясняет: герой его «даже не мистик вовсе» — он реалист. «В реалисте вера не от чуда проводит, а чудо от веры».

В образе Алеши предначертан новый тип христианской духовности — иноческого служения в миру; он проходит через монашескую аскезу, но в монастыре не остается; старец Зосима перед смертью говорил своему любимцу: «Мыслию о тебе так - изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок... Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь

и жизнь благословишь и других благословить заставишь, - что важнее всего...». Таков замысел Достоевского об Алеше: предсказания старца должны были оправдаться во втором романе. В Алеше соединяются два типа житийного героя: он чувствует высокое предназначение с детства и обращается к Богу и предается подвижничеству после многих испытаний.

После представления главного героя возникает мотив, соединяющий имя его с именем Алексея человека Божия. Этот мотив звучит поначалу косвенно. Поводом к такому упоминанию служит беседа старца с одной из верующих баб, убивавшейся по поводу смерти своего сына. Старец спрашивает, как его звали. Мать отвечает:

- Алексеем, батюшка.
- Имя-то милое. На Алексея человека Божия?
- Божия, батюшка, Божия, Алексея человека Божия!» (Т.1., С.178).

Позже Ракитин называет Алексея «Алешенькой, Божьим человечком».

Затем начинаются «искушения», «соблазны» житийного героя. «Юный человеколюбец» сталкивается с братом-атеистом. Алеша верит в Бога и любовно приемлет Божий мир. Он говорит Ивану: «Я думаю, что все должны, прежде всего, на свете жизнь полюбить... Полюбить прежде логики – и тогда только и смысл поймут» (Т.1., С. 215).

3.5 Бунт Алеши и его возвращение к «светлым истокам»

«Алеша приемлет мир Божий по вере своей, Иван в Бога не верит (или принимает его с убийственной насмешливостью, что одно и то же) и, прежде чем полюбить мир, хочет понять его смысл. Христианская любовь противопоставляется безбожному разуму. Сомнения входит и самую душу Алеши, становится внутренней его борьбой, искушением и победой над искушением», - пишет критик Д.Григорьев⁴¹.

⁴¹ Григорьев Д. Достоевский и религия. – Сб.статей «Христианство и русская литература» - СПб.: 1994 – С.57

Умирает старец; ученик ждал прославления учителя, а вместо этого присутствует при его бесславии: от гроба почившего праведника преждевременно исходит «тлетворный дух»; «соблазн» охватывает и монахов и богомольцев; соблазняется и «твердый в вере» «реалист» Алеша. Где же духовное преображение природы, о котором учил старец? А если его нет, тогда прав Иван. «Бунт» Алеши — отзвук бунта Ивана. Он тоже восстает на Провидение и требует от него «справедливости». «Не чудес ему нужно было, - объясняет автор, - а лишь «высшей справедливости», которая была, по верованию его, нарушена и чем так жестоко и внезапно было поранено сердце его... Ну и пусть бы не было чудес вовсе, пусть бы ничего не объявилось чудного и не оправдалось немедленно ожидаемое, - но зачем же объявилось бесславие, зачем попустился позор, зачем это поспешное тление, «предупредившее естество?.. Где же Провидение и перст его? К чему сокрыло оно свой перст в самую нужную минуту (думал Алеша) и как бы само захотело подчинить себя слепым, немым, безжалостным законам естественным». Вопросы о «справедливости», о Провидении, о мировом зле, так трагически переживаемые Алешей, это вопросы Ивана. В роковую минуту послушник вдруг чувствует свою духовную близость к брату-атеисту. Он неустанно припоминает свой разговор с Иваном.

«Какое-то смутное, но мучительное и злое впечатление от припоминания вчерашнего разговора с братом Иваном вдруг теперь зашевелилось в душе его, и все более и более просилось выйти наверх ее» Т.2., С.472). «Бунт» Ивана кончается богоборчеством и отрицанием Божьего мира; «бунт» Алеши завершается мистическим видением воскресения: он спасается подвигом личной любви. Алеша уходит из монастыря, попадает во власть своего Мефистофеля — Ракитина, и тот везет его к Грушеньке. В целомудренном юноше просыпается карамазовское сладострастие. «Инфернальница» садится к нему на колени, угощает шампанским. Но, узнав о смерти старца Зосимы, набожно крестится и «как в испуге» соскакивает с его колени. Алеша «громко и твердо» говорит Ракитину: «Видел, как она меня пощадила? Я шёл сюда злую

душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую. Аграфена Александровна, я про тебя говорю, ты мою душу сейчас восстановила» (Т.2., С.32).

Грушенька рассказывает басню о луковке. Злющая-презлющая баба за всю жизнь ничего доброго не сделала; раз только подала нищенке луковку, и после смерти эта луковка помогла ей выбраться из огненного озера. «Луковкой» была для Алеши жалость Грушеньки, «луковкой» оказалось и для ее оскорбленного сердца сострадание Алеши. «Сердце он мне перевернул, - восклицает она. – Пожалел он меня, первый, единый, вот что! Зачем ты, херувим, не приходил прежде, - упала вдруг она перед ним на колени, как бы в исступлении. Я всю жизнь такого, как ты, ждала, знала, что кто-то такой придет и меня простит. Верила, что и меня кто-то полюбит, гадкую, не за один только срам» (Т.2., С.34).

«Встреча Алеши с Грушенькой – мистическое обручение жениха с невестой-землей. Закон смерти (сладострастие) побежден воскрешающей любовью. Души понимают свою родственность и мистическое единство. Алеша несет вину Грушеньки, Грушенька – вину Алеши. «Все за всех виноваты». В общей вине – они любящие брат и сестра. Духовное перерождение совершилось: Грушенька готова жертвенно разделить искупительный подвиг Мити. Алеша открыт для мистического видения «Канны Галилейской», - пишет В.Кантор.⁴²

Послушник возвращается в монастырь и молится у гроба старца. Сквозь дремоту слышит, как отец Паисий читает евангельский рассказ о браке в Кане Галилейской. И вот раздвигаются стены – гроба уже нет; он видит гостей, брачный чертог. Старец Зосима «радостный и тихо смеющийся» говорит ему «Веселимся, пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и

⁴² Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М.: 1993 – С. 217

премудрый Архитриклин, вино новое пробует... А видишь ли Солнце наше, видишь ли Его? Не бойся Его. Страшен величием перед нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно...» (Т.2., С.43).

Видение Алеши символ воскресения, радость Царствия Божия. Он выходит из кельи; падает, как подкошенный на землю, обнимает и целует се. «Он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился иступления сего». Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «прикасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не себе, а за всех, за вся и за все...» (Т.2., С.44).

«После света воскресения – космический восторг и видение преображенного мира. Это та секунда «мировой гармонии», которую предчувствуют и по которой томятся герои Достоевского. Сердце человека – мистический центр вселенной, нити всех миров сходятся в нем, и новый Адам, восстановленный в своей первозданной славе, «плача, рыдая и обливая слезами», целует Землю, святую Мать которую осквернил некогда своим грехопадением. Карамазовская «земляная» сила превращается в силу преображающую. Экстаз Алеши отвечает исповеди Ивана. Иван не понимает, как может простить мать замученного ребенка. Алеша понял: в новом мире прощают «за всех, за все и за вся». Герой жития преодолевает «искушения», – так трактует настроение Алеши критик Иванов.⁴³

Мистический опыт послушника становится источником его духовной энергии. Она изливается на мир, просветляя его изнутри. В романе показано только начало этого служения. Алеша входит в жизнь школьников, дружит с ними, примиряет их с умирающим в чахотке Илюшей и на могиле его кладет основание «всечеловеческому братству». Новая община, в противоположность социалистическому муравейнику, строится на личности и любви. Это – свободное объединение друзей покойного Илюши – личная любовь к одному

⁴³ Иванов В. Борозды и межи (2- изд.) – СПб.: 1996 – С. 114

становится общей любовью всех. «Все вы, господа, милы мне отныне, говорит Алеша мальчикам, - всех вас заключу в мое сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце! Ну, а кто нас соединил в этом добром, хорошем чувстве... кто, как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик навеки веков» (Т.2., С.496). Илюша не умер: в любви объединенных им друзей он будет жить «навек веков».

Коля Красоткин заставляет «юного человеколюбца» высказать свою мысль до конца:

« - Карамазов! — крикнул Коля. — Неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга и всех, и Илюшечку?

- Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, - полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша» (Т.2., С.506).

Роман заканчивается торжественным исповеданием веры в воскресение.

Все вышесказанное приводит нас к следующему выводу:

по несомненному убеждению Достоевского, человечество находится в ситуации неизбежного выбора, подобной той, в какой оказался в конце романа Дмитрий Карамазов - оставаться ли «Бернаром презренным», воспользоваться несправедливой силой предлагаемых братом Иваном денег и бежать в Америку к «механикам» и «машинистам», чтобы идти в ногу со всем миром, уклонившись от «прямой дороги», или же по примеру Христа через страдание и воскресение обрести в себе новую личность, остаться в России и стать подлинным братом ближнему своему».

Склоняясь ко второму варианту, Достоевский устами Дмитрия как бы приглашает всех людей на земле отказаться от корыстных интересов, эгоистической обособленности и со всей прямоотой осознать, что для них есть лишь две полярные возможности: либо обняться, либо уничтожить друг друга; или вечная жизнь, или вечная смерть. «Были бы братья, - настаивает в своих

беседах старец Зосима, - будет и братство.... Образ Христов воссияет как драгоценный алмаз по всему миру...» (Т.1., С.217).

Образ Христа стал «не только фактом сознания Достоевского как личности, как конкретного человека, - пишет критик Ю.Селезнев, - но и центральным образом его художественного мира потому, что Христос художественного мира Достоевского – это еще и Христос, «неведомый миру», Христос народного сознания».⁴⁴

У Тютчева есть такие строки:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.⁴⁵

Образ Христа, который «в рабском виде... исходил, благословляя» русскую землю - не придумка Тютчева, а поэтическое обобщение народных представлений о нем. И не случайно именно этот тютчевский образ, как образ народности, входит в сознание не только Достоевского, но и многих других великих русских писателей XIX века (например: Лескова, Некрасова, Л.Толстого и др.)

Следует отметить, что «тютчевский» образ Христа, столь близкий миру Достоевского и столь часто «обыгрываемый» им в его знаменитых романах, в том числе и в «Братьях Карамазовых», был совершенно чужд европейскому сознанию. «Это не Христос европейца... так как в нем видится прообраз русского народа-гиганта», - пишет западный исследователь М.Криди.⁴⁶

В своем романе «Братья Карамазовы» Достоевский пытался показать, что только на основе религии преодолеваются злоба, жадность, человеконенавистничество и необузданность страстей.

⁴⁴ Селезнев Ю. Лесков и Достоевский. – В кн.: В мире Лескова. - М.: 1983 – С. 141

⁴⁵ Тютчев Ф. Русская лирика XIX века. – М.: 1986 – С.182

⁴⁶ Цит. по кн.: Литературное наследство. – М.: 1991. – Т.8, С.- 698

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В одном из писем Достоевского (от 28 июля 1879 года) есть такие строки: «Роман, который пишу теперь («Братья Карамазовы»), поглощает пока все мои силы и все мое время... Пишу не гоня, не комкая дела, переделываю, чищу, хочу кончить добросовестно, ибо никогда ни на какое сочинение мое не смотрел я серьезнее, чем на это».

Достоевский всегда писал, вкладывая в свои произведения все силы ума и сердца («исповедь горячего сердца»), но у писателя было основание сказать об особом значении для него романа «Братья Карамазовы».

В романе этом, созданном в конце жизни, писатель пытался дать свой отчет на вопрос, который считал самым больным, самым важным и неотложным, - **о путях духовного развития общества, об идейном и нравственном развитии человека.**

В своем романе Достоевский создает ряд образов, воплощающих нравственное разложение, утрату человеческого достоинства и благородства. Глава семьи Федор Павлович Карамазов всю жизнь посвятил погоне за наслаждениями. Ни с одной, ни с другой женой, ни с детьми его, в сущности, ничто не связывает, он не признает никакого общественного долга, никаких моральных обязанностей перед близкими. Это – омерзительный человек, развратник, сладострастник, сребролюбец. Душа его, по словам горького, «бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а, прежде всего, – болезненно злая».⁴⁷

Вспомним, как Федор Павлович, пьяненький, рассуждает об аде, куда он, грешник, должен попасть:

«Ведь невозможно же, думаю, чтобы черти меня крючьями позабыли стащить к себе, когда я помру. Ну, вот я и думаю: «Крючья? А откуда они у

⁴⁷ Горький М. Собр.соч. – М.: 1953 – Т.24., С.- 147

них? Из чего? Железные? Где же их куют? Фабрика. Что ли, у них там есть?» (Т.1., С.162)

Он доводит религиозное представление о загробной жизни, об аде до самой грубой жизненной конкретности, чтобы убедить себя в их нереальности и таким образом отвергнуть. Этим он отгоняет от себя темный страх перед расплатой за грехи. Но если нет страха, то ничего не стоит между человеком и любым грехом и даже преступлением. «А коли нет крючьев, стало быть, и все побоку». Коли нет ни ада, ни рая – значит, страшиться нечего. Федор Павлович гонится за наслаждениями, добиваясь их ценой потери человеческого облика. Это не человек уже, это злое, болезненное, вызывающее отвращение и гадливость животное.

Этот образ – как бы наглядное назидание людям, предупреждение писателя о том, что низменные инстинкты ведут не только к моральному распаду личности, но и к физическому уничтожению. Не случайно «Федор Павлович погибает от им же порожденной злобы и низости, от руки человека, им же растленного. Его душа отвергла высокие духовные каноны, отвергла Христа и погибла. Душа должна очищаться верой, – такова идейная направленность романа «Братья Карамазовы», – утверждает В.Ветловская.⁴⁸

Карамазовские страсти (что мы наглядно постарались показать и доказать во второй главе нашей работы), в разных вариантах «проиграны» в образах его сыновей, в их борьбе с темными силами как в своей душе, так и в окружающем их обществе. Каждый из них пришел к своему итогу в результате этой сложной борьбы.

В ряде произведений Достоевский как бы связывает одной нитью самых разных действующих лиц, обнаруживая – часто совершенно неожиданно – в них общие, сходные черты. Так, например, в романе

⁴⁸ Ветловская В. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. – СПб.: 1998. – С.167

«Преступление и наказание» какие-то стороны рассуждений Раскольникова неожиданно перекликаются с рассуждениями черствого и бездушного Лужина и безудержного, разгульного Свидригайлова.

Федора Павловича Карамазова Достоевский соединяет с Иваном, а Ивана – со Смердяковым. Скептико-рационалистические тирады Ивана своеобразно преломляются в сознании слушающего его сводного брата Павла. Своеволие эгоизма, разгул чувственности, отказ от христианской морали – таковы, по мнению писателя, направления мыслей материалиста и атеиста. Именно поэтому выживший из ума, потерявший человеческий облик Федор Павлович Карамазов и умный, талантливый Иван Федорович сходятся в цинично-аморальном взгляде на мир и на людей.

В своем прекрасном романе «Братья Карамазовы» Достоевский в целом ряде образов воплотил начала эгоизма и отрицания нравственности, связанные с атеизмом, безбожием, и показал, как следование этим началам калечит человека, приводит к деградации личности, к духовному омертвлению и даже физической смерти. Истинный путь человека – путь к нравственному самосовершенствованию и духовному росту – должен быть вечной битвой со злом в этом мире, - утверждал писатель. Именно «любовь – эта красота, которая спасет мир», - говорил он. Христианские заповеди, на основе которых построен роман «Братья Карамазовы», именно этому и учат, неся в себе понимание великой созидательной силы любви и добра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана – Ташкент, 1997
2. Каримов И. Узбекистан сегодня. – Интернет: www.2004.press-servis.uz
4. Каримов И. Наша главная задача – дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. – Доклад на заседании Кабинета министров, посвященным итогам социально-экономического развития страны в 2009 году и важнейшим приоритетам экономической программы на 2010 год. // «Народное слово» - № 21 - 30 января 2009.
5. Каримов И. «Узбекистан на пороге достижения независимости». (Нужно шире использовать возможности науки). – ИПДТ «Узбекистан» - 2011
6. Достоевский Ф. Полн.собр.соч. в 30 Т. – Л.: 1985
7. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М.: 1993
8. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1979
9. Бердяев Н. Философия творчества, культуры, искусства. – М.: 1994
10. Борисов В., Рогинский А. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 г.г. – М.: 1990
11. Белов С. Роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. – М.: 1995
12. Ветловская В. Поэтика романа «Братья Карамазовы» - СПб.: 1991
13. Ветловская В. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. – СПб.: 1998
14. Горький М. Собр.соч. в 30 Т. – М.: 1953
15. Григорьев Д. Достоевский и религия. – Сб.статей «Христианство и русская литература» - М.: 2001

16. Долинин А. Последние романы Достоевского. – М.: 1993
17. Иванов В. Борозды и межи (2-е изд.) – СПб.: 1996
18. Кантор В. «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского. – М.: 1993
19. Кирпотин Я. Мир Достоевского. – М.: 1993
20. Кудрявцев Ю. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). – М.: 1992
21. Кедров К. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н.С.Лескова. – В кн.: В мире Лескова. – М.: 1993
22. Литературное наследство. Т.8 – М.: 1991
23. Лаут Р. К вопросу о генезисе «Легенды о Великом Инквизиторе». – М.: 2002.
24. Мещеряков В., Сербул М. «Дела давно минувших дней...» Историко-бытовой комментарий к произведениям русской классики. – М.: 2003
25. Мочульский К. Гоголь, Соловьев, Достоевский. – М.: 1995
26. Миндлин И. Вера или неверие? Заметки о Достоевском. – М.: 2001
27. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860 – 1881 г.г. – М.: 1991
28. Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М.Достоевского. – В кн.: О писательстве и писателях. – М.: 1996
29. Русская литература XIX века и христианство. – М.: 1997
30. Селезнев Ю. В мире Достоевского. – М.: 1980
31. Творчество Ф.М.Достоевского, 2 изд. (отв. ред. – М.Степанов) – М.: 1998
32. Христианство и русская литература. (Сборник статей по редакции В.Котельникова) – СПб.: 1994
33. Толстой Л. Царство божье внутри нас. – **Интернет:** www.narod.ru/tolstoy
34. **Интернет:** www.velib.cjm/dostoevske
35. Глушаков М. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» - **Интернет:** www.auportal.ru/dostoevskiy

